

Алекс Мома

СОВРЕМЕННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГНОСТИЦИЗМА (Доклад на Ассамблее ОТО, июнь 2013 г., Москва)

Как известно, определение есть расстановка пределов какому-либо предмету нашего исследовательского интереса. В случае с гностицизмом эта проблема потому встала так остро, что для большинства людей, им интересующихся и даже считающих себя гностиками, в этом «нет никакой проблемы»: почти все они уверены в том, что именно то определение, которым пользуются (или которое дают) они сами, является единственно верным. Ловушка, однако, заключается в том, что, следуя определениям, в которых слабо отражена суть явления, они рискуют выдать – и выдают – на-гора исследования, в которых суть и смысл гностицизма как такового отражены еще слабее, чем в их же определениях. То есть, чем дальше они уходят в лес, тем толще становятся партизаны.

Цель моего доклада состоит вовсе не в том, чтобы навязать кому-то «единственно верную дефиницию», но в том, чтобы привлечь внимание к достоинствам и недостаткам тех дефиниций, которые сейчас получили распространение в исследовательском мире. Разумеется, охватить все существующие определения было бы невозможно не только в рамках относительно краткого доклада, но и в рамках, например, большой книги.

Прежде чем проанализировать научные определения гностицизма, хотелось бы остановиться на возможных – а в ряде случаев и необходимых – «житейских» определениях. Автором одного из таких житейских (ибо для академического определения оно излишне кратко) определений являюсь я сам и пользуюсь им в последние семь лет: «Гностицизм – это раннее христианство, еще свободное от влияния нарождающейся ортодоксии». Я специально ничего не говорю здесь о том, что там есть дуалистическое мировоззрение и что может быть некий «недуалистический гностицизм» – просто потому, что полагаю, что в т.н. «недуалистических текстах» (как, например, в «Книге Величий Отца» или, в английском оглавлении, «Тексте без названия из Кодекса Брюса») просто не делается акцент на дуализме, что совершенно не обязательно означает отрицание дуализма. Ведь точно также есть масса нравоучительных гностических текстов, никак не опирающихся, например, на космологию. Что не означает того, что их авторы отрицали (дуалистические) гностические космогонии. Не говорю я и о «дохристианском гностицизме», поскольку, на мой взгляд, его просто не существовало. Источником многочисленных заблуждений о «дохристианском гностицизме» является заимствование гностиками (то есть, кстати сказать, христианами) не только более старой терминологии, но иногда и ее сути. Однако при этом почему-то никому не приходит в голову в аналогичных случаях говорить, к примеру, о «до-магометанском исламе». Не имея времени на подробности, советую вам прочитать статью библеиста Эдвина Ямаучи «Дохристианский гностицизм, Наг-Хаммади и Новый Завет в современных дебатах», русский перевод которой выложен в разделе «Гностицизм» сайта <http://thelema.ru>.

Покритикую сам себя: в части «еще свободное от влияния нарождающейся христианской ортодоксии» это определение может показаться спорным, поскольку ряд поздних гностических текстов (например, “Pistis Sophia”) от этого влияния не свободно (немалая его часть – прямые цитаты из Псалтири плюс наличие в тексте отвратительной пародии на ортодоксальную евхаристию), но это мелочи, а главный его возможный недостаток – некоторые тексты из Наг-Хаммади, например, «Мысль нашей великой Силы» фрагментарно описывают уже манихейские воззрения, появившиеся во второй половине 3-го века, в свою очередь, в том числе в качестве реакции на воззрения ортодоксальные

(как и “Pistis...”, очевидно, что «Мысль...» была написана уже в конце 3-го века или ближе к концу его).

Многие ранние христиане, возможно, что и лично Василид или Валентин, по всей видимости, действительно называли себя *gnostikoi*, то есть «знающими», а не только и – вполне возможно! – не столько христианами. Однако определять термин «знающие» бессмысленно, поскольку сокровенное знание (особенно в рамках длинной истории христианства, христианских Орденов и христианского мистицизма) может быть каким угодно. В результате, при появлении в Европе ближе к концу 19-го века хотя и по-прежнему конфессионально детерминированного, но всё же уже относительно независимого религиоведения, встал вопрос о необходимости изобрести термин, производный от *gnosis* и *gnostikoi* и относящийся именно к эпохе раннего христианства.

Термин был, по всей видимости, впервые произнесен английским поэтом и философом-платоником Генри Мором (Henry More, 1614–1687) в 1669 году (см. примечание!)¹, когда Мор, согласно, например, ученому свидетельству американского коптолога и историка раннего христианства Бентли Лейтона (Bentley Layton) участвовал в протестантской антикатолической полемике, охарактеризовав «гностицизм» как «вид лжепророчества, которое совращает истинных христиан в идолопоклонство» в своем комментарии на семеричный символизм 2-й и 3-й глав Откровения Иоанна в работе «Объяснение Семи Посланий Семи Церквям...» (“An Exposition of the Seven Epistles to the Seven Churches...”). При этом Мор назвал католицизм «приправой к давно вызывавшему отвращение гностицизму» (последняя фраза – прямая цитата из Мора). Однако содержательного определения Мор не дал, по сути, ограничившись лишь термином, производным от иринеевских *gnostikoi* и их учений.

Немецкий ученый-теолог Адольф фон Гарнак, который и ввел в широкий научный обиход само понятие «гностицизм», посвятил ему в 1921 году в своей фундаментальной работе о Маркионе, по сути, целую книгу (см., например, ее доступный в Сети английский перевод: “*Marcion: The Gospel of the Alien God*”, или книжный оригинал: “*Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott*”), сделав упор на «гностическую чуждость» Бога творению. Отметим, что ученая правота Гарнака заключалась как раз в том, что он начал изучать христианский гнозис именно с Маркиона вместо того, чтобы вдаваться в анализ ересиологических концептов, касающихся жизни и деятельности относительно поздних гностиков: не забудем, что именно Маркион донес до нас подлинное Евангелие Господне (прообраз Евангелия от Луки) и десять подлинных посланий Павла, впоследствии искаженных составителями Нового Завета. Впрочем, Гарнак придерживался ересиологической точки зрения (ныне, а точнее, уже почти столетие назад опровергнутой исследователями-текстологами) о том, что, напротив, якобы именно Маркион «исправил» и Павла, и Евангелие².

«Гностицизм» же Гарнак, будто в противовес собственным «маркионитским» изысканиям, определил как «острую эллинизацию, или секуляризацию христианства» (том 1, стр. 250). Кроме того, в самом начале 5-й главы своей «Истории догм», главы под названием «Попытка гностиков создать апостольское учение веры и христианское богословие, или острая эллинизация христианства», Гарнак дает такое вводное определение: «Гностицизм – порождение великого синкретического движения I-II веков, начавшегося вследствие перехода религии от одной нации к другой, вследствие соприкосновения востока (древнеавилонская религия) с западом и вследствие влияния греческой философии на религии»³. Любопытно, что Маркиону Гарнак вообще посвятил *отдельную* от «гностической» главу этой книги. Обратите также внимание на то, что Гарнак, в отличие, например, от дореволюционного русского исследователя Михаила

Поснова (см. Поснов М. Гностицизм второго века и победа христианской церкви над ним. К., 1917), не отказывает гностикам в том, что они активно действовали уже в первом веке н.э.

Интересно, что на полное осмысление термина «гностицизм» у Гарнака ушло сорок шесть лет! Потому что впервые он употребил его в своей диссертации на соискание степени доктора философии в Лейпцигском университете еще в 1874 году. Однако тогда об этом было известно лишь достаточно узкому кругу лиц, например, Морицу фон Энгельгардту, под руководством и ученым влиянием которого Гарнак и начал осмысливать эту тему. Поэтому на суд широкой публики этот термин был вынесен Гарнаком лишь в 1885 году, в первом томе «Истории догм». Однако, в противовес своей, условно говоря, про-маркионовской интуиции, Гарнак вовсе не считал гностицизм неотъемлемой чертой христианства как такового и считал его лишь попыткой привнести в христианство больше греческой мысли, «чем оно было способно усвоить». (Интересно, что католическое христианство, например, он также считал эллинизацией христианства изначального, но такой эллинизацией, которая могла быть и была усвоена обществом, т.е. усвоение кафоличества он считал и естественным, и географически, а не политически мотивированным процессом. Кстати, эта попытка эллинизации реально имела место, но уже на относительно поздних стадиях гностической истории, начиная со второй половины второго века – ибо влияние платонизма и пифагореизма на гностические построения того периода очевидно).

Вильгельм Буссетт (Wilhelm Boussett) в 1907 году в книге «Основные проблемы Гнозиса» (“Hauptprobleme der Gnosis”), кстати, напротив, полагал, что гностицизм есть, прежде всего, синтез христианства с восточной мифологией (схожей точки зрения придерживался теософ Чарльз Кинг, автор «Гностиков и их реликвий» – “Gnostics and their Remains”, 2nd ed. – L., 1887), причем христианству в его дефиниции отведено совсем мало места. Он писал, в частности, что «...гностицизм – это, прежде всего, дохристианское движение, коренящееся в себе самом. Следует понимать его в его собственных понятиях, а не как ветвь или вторичное порождение христианской религии».

Британский ученый Артур Дерби Нок дал самое эксцентричное (из существующих) определение: «Гностицизм – это одичавший платонизм». Позволю себе оставить это без комментариев.

Теософы последней четверти 19-го века, несмотря на их огромный вклад в дело популяризации гностицизма, вообще рассматривали Гнозис как некоего предтечу нынешней теософии, то есть от них совершенно ускользали дуализм и трагизм основ гностического мировоззрения, а порой – даже его изначальное христианская природа. Кроме того, составленный Еленой Петровной Блаватской Теософский словарь (изданный лишь спустя год после ее смерти, в 1892 году, и ранее, в том же году, дополненный ее учениками) говорит только о «гнозисе» и о «гностиках», но не о гностицизме, что является неплохим аргументом в пользу того, что во времена его написания термин еще не прижился. Впрочем, это определение подходит (при смене ряда окончаний слов) и к гностицизму (в статье “Pistis Sophia” от 1891 г. Блаватская использует именно этот термин, очевидно, просто не придавая значения наличию «-измов» в конце слов). Судите сами. Блаватская пишет: «Гнозис (греч.). Буквально, ‘знание’. Специальный термин, употреблявшийся как до, так и в период первых столетий так называемого христианства для обозначения предмета их исследований. Это Духовное и Священное Знание, *Гунта Видья* индусов, можно было приобрести лишь при посвящении в Духовные Мистерии, одним аспектом которых являлись церемониальные ‘Мистерии’. (Цит. по изд.: М.: Сфера, 1994, с. 139).

Упомянем, однако, в качестве несомненных просветительских достоинств теософов тех лет еще и то обстоятельство, что Блаватская огромную часть второго тома своей «Разоблаченной Изиды» еще в 1877 году посвятила – не будучи знакомой с академическими исследованиями, например, того же «маркионитства» – как раз доказательству того, что гнозис является как духом, так и буквой подлинного христианства.

Любопытно, что последовательница Блаватской Анни Безант в книге «Эзотерическое христианство, или Малые Мистерии» (рус. пер.: «Издание журнала ‘Вестник’», 1930), тем не менее, акцентирует внимание в основном не на гностиках, а на эзотерических аспектах библейской, новозаветной и апокрифическо-новозаветной традиций (исключением является, пожалуй, только ее 11-я глава, где цитируется гностическая “Pistis Sophia”, причем по частному поводу).

Джордж Роберт Стюард Мид, личный секретарь и один из ближайших сподвижников Блаватской, автор вышедшего в начале 20 века многотомника «Эхо Гнозиса», считает (см. книгу “Fragments of a Faith Forgotten” (1900), pp. 137-138 [«Фрагменты веры, о которой забыли»]), что гностицизм – это первая христианская теология (что наилучшим образом отражено в главке “The Tendencies of Gnosticism” – «Тенденции в гностицизме»), и добавляет, что, вероятно, «...причина порицания заключается именно в том, чтобы подлинная историческая составляющая этого нового движения была сокрыта для того, чтобы завуалировать нужду в такой религии, которая стремились бы ко всеобщности, и в которой гностики были главными обвиняемыми». Впрочем, то обстоятельство, что без гностицизма не было бы и христианской теологии, признавали даже ересиологи.

Казалось бы, это определение возвращает нас к Гарнаку, но Мид оговаривается, что *идеи*, на которые опирается гностицизм, существовали и до христианства (в том числе потому, что опирались на неортодоксальные толкования Библии: «Яхве если и не отрицался полностью, то был помещен в чрезвычайно подчиненное положение»), однако Спаситель «освятил эту традицию».

Исследователям всевозможных патологий (около)научного сознания, вероятно, будет интересна та нагло-надменная реакция, которую вызвало это определение у авторов англоязычной “The Catholic Encyclopedia”: «Попытка обрисовать гностицизм как могущественное движение человеческого разума к благороднейшей и высочайшей истине, как движение, некоторым образом параллельное движению христианства, полностью провалилась. Она была повержена непредубежденными учеными недавнего времени, такими как У. Буссетт и О. Группе, и достойно сожаления то, что она могла быть возобновлена английским писателем Дж.Р.С. Мидом в его «Фрагментах веры, о которой забыли», ненаучной и вводящей в заблуждение работе, которая в англоязычных странах могла замедлить трезвое и истинное определение гностицизма, каким он был как исторический факт».

В 1966 году в Мессине (Италия) состоялся международный научный colloquium под названием «Истоки гностицизма», который, по сути, и ставил своей задачей попытаться определить гностицизм. На тот момент проблема приобрела огромную важность в связи с тем, что начали появляться первые переводы на европейские языки текстов из найденной в 1945 году в Верхнем Египте коптской гностической Библиотеки Наг-Хаммади, в том числе ключевого текста гностической традиции – «Апокрифа Иоанна»⁴. Огромное разнообразие смыслов, содержащихся в этих текстах, озадачило ученых. Предстояло полностью пересмотреть понимание «гностической парадигмы» в том ее виде, в каком она

досталась нам от ересиологов, описывавших доктрины *gnostikoi* (при этом зачастую самостоятельно выдумывая существование многих и многих «сект гностиков» – не случайно акцент всегда делался на множественном числе, -oi). И не только потому, что содержание текстов в лучшем случае процентов на 50 соответствовало их «свидетельствам», но и потому, что ересиологи, да и более поздние «отцы церкви» давали, хотя чаще лишь подразумевали, только апофатические, отрицательные определения гнозиса как «многоголовой еретической гидры», условной системы ересей, возникшей уже как искажение некоей ими же и вымышленной «апостольской традиции». Очевидная слабость и даже ложность этого определения не только в его апофатической однобокости, но и в том, что самой «магистральной линии», от которой должна была отклониться эта «гностицистская ересь», тогда еще просто не существовало. Попытка определить «гностицизм» оказалась не слишком успешной, но, как это часто бывает на научных конференциях, было освещено множество частных проблем, касающихся учения – и впервые в мире на столь представительном уровне. Строго говоря, Коллоквиум ожидавшегося от него четкого определения и не дал уже хотя бы потому, что его описание занимает целых три страницы текста⁵.

Именно на это «определение», ставшее как будто бы общепринятым по результатам этого коллоквиума, ссылается новосибирский исследователь и переводчик греческих фрагментов гностицистских трудов Евгений Афонасин (при этом он избегает давать свое определение, то есть выступает – *в данном случае* – как исследователь исследований):

«Гностицизм – в узком смысле, иудейско-христианское религиозное учение, получившее распространение в поздней античности и заклеенное как ересь такими апологетами христианства, как *Ириней Лионский, Ипполит Римский, Тертуллиан, Климент Александрийский, Епифаний Саламский* и многими другими; в широком смысле, тип мировоззрения, для которого характерно учение об особом типе откровенного знания, *гносисе*, и представление об избранности его носителей. Именно так гностицизм был определен на Международном коллоквиуме в Мессине в 1966 г. (См.: *The Origin of Gnosticism: Colloquium of Messina 13–18 April 1966*. Ed. U. Bianchi (Leiden, 1968), xx–xxxii, xxvi–xxvii)».

Это определение, как и великое множество других, отчасти дается «методом замкнутого круга»: гностицизм – это то, чем занимались гностики, а гностики – это те, которые баловались гностицизмом.

В работах же современных апологетов христианской ортодоксии постоянно встречается дословно повторяемое определение, что «гностицизм – это смесь греческой философии с восточным мистицизмом, возникшим до христианства и независимо от него». Это определение, на наш взгляд, вообще не выдерживает критики даже не потому, что полностью дистанцирует гностицизм от христианства, но потому, что остается неясным, зачем эту смесь вообще изготовили, и на кого она была рассчитана. В этой связи интересно обратиться к мнению Ганса Йонаса.

Ганс Йонас (1903–1993) был одним из наиболее значимых докладчиков на конференции в Мессине, и именно то, как он определял гностицизм, оказало влияние на большинство современных западных исследователей темы. На той конференции, впрочем, Йонас использовал термин «гностицизм» лишь в качестве производно-вспомогательного термина от «гнозиса» и «гностиков». Ранее, в своей книге о гностицизме (в немецком оригинале известной как “*Gnosis und spätantiker Geist*”, Т. 1 – 1934, Т. 2 – 1954) на стр. 32⁶, он был чуть более конкретен: «Наименование “гностицизм”, появившееся для того, чтобы послужить заглавием для многообразия сектантских доктрин, появившихся внутри и

вокруг христианства в течение его напряженных первых веков, образовано от “гнозиса”, греческого слова, означающего “знание”. Акценты на *знании* как на способах достижения спасения или даже как на самой форме спасения, а также претензия на обладание этим знанием в рамках одной четко сформулированной доктрины, являются общими чертами многочисленных сект, в которых гностическое движение выражало себя».

Слабость этого определения, опять же, в том, что оно не объясняет сути гнозиса, а также косвенно дистанцирует его от христианской парадигмы. Однако сила этого определения в том, что из него его автор в несколько этапов вывел экзистенциалистский характер гностицизма, что и отразил в послесловии к своей книге. Исторически это, конечно, было неслучайным: именно на расцвет деятельности Йонаса, 30-е – 50-е гг. XX века, пришелся и расцвет философии экзистенциализма на Западе.

Марианна Каземировна Трофимова, которой выпала честь быть первым после 20-х годов минувшего столетия русским советским исследователем гностицизма и переводчиком коптских гностических текстов, чьи работы на эту тему официально публиковались даже в брежневском СССР (начиная с 1972 года в научной периодике, а с 1979 года – в издававшихся относительно большим, если сравнивать с нашими днями, тиражом – от 7.000 экземпляров – книгах) в знаменитом сборнике «Апокрифы древних христиан» (М., 1989 г.) дает в статье «Гностицизм и христианство» (стр. 168) отчасти определение, отчасти объяснение гностицизма, которое только и могло быть признанным приемлемым в советские времена, ибо оно было несколько окрашено в социально-философские тона: «В гностицизме проявляется умонастроение, окрашенное переживанием человека своей тождественности абсолютному, присущее, например, культуре Древней Индии. Специфику же [гностицизма] составляет то, что при этом умонастроении определяющей стала тема знания-самопознания. Убежденность в своей тождественности абсолютному *отвращала гностика от социальности*, ориентированной на признание других, влекла его к самоуглубленности, к медитативной активности. Это умонастроение искало средств не только понять, но и обосновать в личном опыте свою продолженность в мироздании, неотграниченность от его основ. *Особая роль личного опыта препятствовала созданию единого учения*, более или менее твердой догматики». (Курсив мой.)

Надо отметить, что очень многие современные исследователи, осознавая неблагодарность этого труда, в своих ключевых работах по теме вообще избегают давать собственные определения, предпочитая цитировать чужие. Так, в частности, поступили А.С. Четверухин (в вышедшей недавно книге его переводов с коптского «Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502», СПб.: Алетейя, 2004) и Элейн Пейджельс (в книге «Гностические евангелия» – “The Gnostic Gospels”, NY: Random House, 1979). Так, А.С. Четверухин пишет («Сочинения...», стр. 18): «Во избежание очередной субъективной оценки мы предпочли ограничиться выборкой материала, которая поможет читателю получить минимально необходимые знания по интересующему его предмету и ознакомит читателя с рядом существующих оценок гностицизма как особого религиозно-философского направления».

Пейджельс же, скорее, очень аккуратно, «политкорректно» предостерегает от заведомо ущербных определений, резюмируя: «Ко времени, когда я начала изучать эту находку (т.е. Библиотеку Наг-Хаммади – А.М.), гностицизм уже был предметом многочисленных исследований. Первыми изучать гностиков начали их ортодоксальные современники. Пытаясь доказать, что гностицизм по своей сущности был нехристианским явлением, они прослеживали его истоки до греческой философии, астрологии, мистериальных религий, магии и даже индийских источников. Зачастую они подчеркивали – и карикатурно искажали – причудливые элементы, проявляющиеся в некоторых формах гностической

мифологии» (Pagels E., “The Gnostic Gospels”, Introduction, цит. по неопубл. рус. пер. «И. Ползикова»).

Основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг писал о гностицизме много и плодотворно. О его искреннем и глубоком интересе к теме говорит уже хотя бы те два обстоятельства, что он опубликовал в 1915 году полученное им – и ведь не просто так полученное! – откровение гностика начала II века Василида «Семь наставлений мертвым», а также то, что первый из 13 Кодексов Наг-Хаммади был выкуплен в 1947 году именно Институтом Юнга и так и называется теперь – «Кодекс Юнга». Отметим, что остальные 12 Кодексов Наг-Хаммади остаются безымянными по сей день. Более того, и у самого Юнга есть книги, которые можно определить как *абсолютно* гностические по духу. Таковы, например, лишь недавно изданная (в том числе по-русски – Клубом «Касталия») «Красная книга», а также широко известный и ранее «Ответ Иову». И несмотря на то, что Юнг остерегается давать в своих работах «любое» определение гностицизма (как истинный психолог, он избегает кавалерийских наскоков на сложные темы), мы делаем для него своеобразное исключение в этом докладе, весьма подробно говоря о нем. Дело в том, что Юнг, кажется, единственный крупный мыслитель, для которого и гнозис, и гностицизм – скорее основоположения для современной психологии, а не религиозно-философские, религиозоведческие или историко-культурные построения. На первый взгляд, этот вывод странен, но только если забыть этимологию слова «психология» – «наука о душе». А душа – это связующее звено между материей и духом, вопреки выводам «материалистической психологии». Тема стопроцентно гностична, учитывая теснейшую взаимосвязь между гностическими космогонией и антропологией! То есть, перефразируя известную мысль одного античного гонителя гностиков о том, что «каждая душа по природе христианка», мы, в свою очередь, словно повторяя за Юнгом, можем сказать, что «каждая душа по природе гностик» или что «каждая душа несет в себе гностицизм». Гностицизм у Юнга – это, в сущности, учение о подлинной природе человеческой души.

Таким образом, в своих трудах Юнг давал пусть не вполне содержательное и введенное в привычные ранее четкие рамки, но зато вполне ценностное определение гностицизма. Так, в 1957 году он пишет: «Когда я начал изучать алхимию, я осознал, что она воспроизводила историческую связь с гностицизмом... Укорененная в естественной философии Средневековья, алхимия выстроила мостик, с одной стороны, в прошлое, к гностицизму, с другой – в будущее, к современной психологии бессознательного... Возможность сравнения с алхимией и непрерывная интеллектуальная цепочка назад, к гностицизму, и придали субстанцию моей психологии».

Экс-епископ (с 1967 до 2010 года) церкви Ecclesia Gnostica – и в то же время убежденный юнгианец и теософ! – д-р Стефан Хёллер (род. 1931), родоначальник гностической философии наших дней, в книге с одноименным названием «Гностицизм» (рус. изд. – М.: Клуб «Касталия», 2010) предварял свое определение этого учения прямой критикой большинства более ранних дефиниций: «Так как внутренняя суть гностицизма возникает в довольно специфическом виде опыта, то, следовательно, тот, кто его лишен, легко может понять гностические откровения неправильно. Ошибочные представления зачастую имеют даже ученые, так как в силу многообразия образов и мифологии, гностицизм не может рассматриваться как связная традиция или ‘изм’... Существовали попытки провести различие между гнозисом и гностицизмом. Некоторые из них – в том числе и группы ученых, работавшей на Коллоквиуме в Мессине в 1966 г. – были многообещающими, но оказались ошибочными. Определение гностицизма как суммы некоторых убеждений ‘секта второго века’, которые были ‘дуалистами и отрицали мир’, не

является ни полезным, ни точным. Также такие определения гнозиса, как ‘познание божественной тайны, предназначенное для элиты’, не особенно информативны».

Даваемое Хёллером определение весьма пространно и философично:

«Что же такое гностицизм и как он связан с опытом гнозиса? Человеческое сознание не функционирует в концептуальном вакууме. Видения и универсальный опыт разума непременно трансформируется в концептуальную систему, соответствующую их содержанию и привнесению. От видений и восторгов образуются религиозные доктрины, философские построения, теологические и теософические концепции. Так было когда-то во времена первобытного шамана, и то же самое происходило с гностиками ранних веков христианства. Разница между большинством религиозных форм с одной стороны и гностицизмом с другой состоит в том, что происходит с соответствующими им системами после первоначальной кодификации откровений опыта. Хотя обычные религии, по-видимому, удовлетворены описаниями обнаруженного опыта, которые зафиксированы в священном писании, гностики всегда стремились к дальнейшему расширению и дополнению первоначального переживания гнозиса. Они в первую очередь никогда не были верующими в чужой гнозис, но были склонны делать добавления в прозрения их основателей и учителей посредством собственного опыта. И, самое главное, такой непрерывный процесс гнозиса требует концептуальной системы, в которой новый опыт сможет найти своё многозначительное место. Эта концептуальная система или мировоззрение, в рамках которой гностический опыт находит себе место, стал известен как гностицизм»⁷.

На сайте gnosis.org, который является на сегодняшний день крупнейшим просветительским ресурсом по гностической тематике, материалы для которого писали сам д-р Хёллер и его ученики и сподвижники, и на котором выложены все лучшие английские переводы коптских гностических текстов, мы читаем: «Гностицизм – это учение, основанное на Гнозисе, знание трансценденции, полученное с использованием внутренних, интуитивных средств. Хотя гностицизм, таким образом, покоится на персональном религиозном опыте, является ошибкой сведение всех результатов такого рода опыта к гностическим опознаваниям. Ближе к истине будет сказать, что гностицизм выражает специфический религиозный опыт, опыт, который не отдает себя языку теологии или философии, но который вместо этого тесно породнен с мифом и выражает себя через миф, посредством мифа. В самом деле, можно обнаружить, что большинство гностических писаний имеют формы мифа. Термин “миф” здесь не следует иметь в виду как означающий “неправдивые рассказы”, но, пожалуй, как означающий, что истины, воплощенные в этих мифах, суть истины иного порядка, нежели догмы теологии или постулаты философии». (Кстати, именно на этом сайте хостится страничка церкви Ecclesia Gnostica.)

Отметим, что Хёллер и его сподвижники в таких общих дефинициях также часто выносят за скобки христианскую природу гностицизма, но, в отличие от откровенно и так или иначе предвзятых исследователей, они ее вовсе не отрицают, а просто пытаются по-юнгиански осовременить подход к гностицизму, еще раз – после теософского ренессанса конца 19-го и начала 20-го веков – возродив интерес к нему в условиях резкого падения во всем мире интереса и симпатии к любым разновидностям христианства как такового.

Мы будем крайне далеки от объективности, если не рассмотрим популярных в электронный век определений. Так, английская Википедия гласит: «Гностицизм (от *gnostikos*, "знающий", от древнегреческого γνῶσις, *gnōsis*, знание и арабского *al-gnusiḥ*) есть вера в то, что материального мира, созданного Демиургом, следует избегать, и что

следует постичь духовный мир (мир Бога). Гностические идеи претерпели влияние многих древних религий, которые учат, что гнозиса (различным образом истолкованного как просветление, спасение, эмансипация или «единение с Богом») можно достичь, практикуя филантропию вплоть до достижения личного нестяжательства, сексуального воздержания (насколько это возможно – для *слушателей* и полного – для *посвященных*) и усердно взыскав мудрости посредством помощи другим людям».

Несмотря на отсутствие всякого упоминания христианского контекста, это определение прекрасно уже тем, что в нем нет никаких отсылок к мифическому «гностическому либертинизму», якобы существовавшему – исключительно по мнению ересеологов и тех, кто им доверяет – «во многих общинах гностиков».

Русская «Википедия» в части собственно определения весьма немногословна и, прямо скажем – традиционно для нее, особенно с учетом царящей там атмосферы субъективистской цензуры! – несколько более убога, чем ее английская сестра по разуму: «Гностицизм (от др.-греч. γνῶστικός – “познающий”) – условное обозначение ряда позднеантичных религиозных течений, использовавших мотивы из Ветхого Завета, восточной мифологии и ряда раннехристианских учений, предложенное Генри Мором в XVII веке».

То есть в русскую «Вики» попало сокращенное и переработанное определение, предложенное профессором РГГУ Николаем Витальевичем Шабуровым для «Новой философской энциклопедии» в 2004 году, которое мы приведем чуть ниже и из которого «википедисты» также практически убрали христианскую компоненту. Поэтому совершенно неудивительно, что пользователи именно русской Википедии в течение последних лет неизменно указывают на то, что «статья о гностицизме нуждается в переработке», то есть, по их мысли, то ли только это определение, то ли статья на «вики» в целом, вряд ли могут быть расценены как авторитетные. На мой взгляд, с этим трудно не согласиться.

Итак, определение Н.В. Шабурова: «Гностицизм – термин, введенный в 17 в. кембриджским платоником Г. Мором как производное от γνῶστικός (знающий) для обозначения некоторых раннехристианских ересей. Этим термином новоевропейская наука обозначает комплекс религиозных течений первых веков н.э., в которых особую роль играла категория гносиса – открытого спасителем (или спасителями) и сохраняемого эзотерической традицией тайного знания о Боге, мире и подлинной духовной природе человека; обладание подобным знанием (удостоиться которого могли лишь избранные) открывало путь к спасению». (Автор продублировал это определение в русскоязычной «Католической энциклопедии», М.: Изд-во францисканцев, 2002, стр. 1337-1338, но там уже отсутствует фраза «открытого спасителем (или спасителями)».)

Безусловным плюсом этого определения является отсутствие ссылок на «дохристианский гностицизм», минусом – акцентуация на «избранных», поскольку избранным, на мой взгляд, при желании может стать практически каждый человек, а проблемой «гиликов» (от греч. *uē*, «плоть» и *uēkoī*, «плотских людей») является вовсе не некая фатальная предопределенность их бытия в этом качестве, а то, что им самим вполне по душе быть «гиликами». Кроме того, здесь не раскрыта даже вкратце суть тайного знания, о котором идет речь.

«Неоценимую» услугу оказал нам Тобиас Чёртон (кстати, автор одной из биографий Алистера Кроули), который в своей «Гностической философии» (рус. изд.: М.: «РИПОЛ Классик, 2008) прямо или косвенно причисляет к оной вообще всё, что только можно

теоретически к ней причислить: фактически он приравнял ее к философии эзотеризма как такового. Кроме того, любопытно, что, с одной стороны, Чёртон сомневался в самой возможности четкого определения феномена. Так, он пишет (стр. 110 рус. изд.): «Можно только гадать, возможно ли вообще ясное понимание того, что же охватывает термин ‘гностицизм’». И неудивительно поэтому, что «собственно древним гностикам» и попыткам идентифицировать их в книге о гностической философии целиком посвящено менее 30 страниц из 480. С другой стороны, как бы противореча собственному стремлению класть все яйца в одну корзину и, в то же самое время, не давать четких определений, он чуть ниже дает некое определение гностицизма «от противного»: «Всегда есть две вещи: ‘где мы были’, ‘чем мы стали’, ‘где мы сейчас’, ‘куда мы должны идти’, ‘откуда мы пришли’, ‘куда мы брошены’. Это экзистенциальные факты. Напряжение между этими двумя полюсами поддерживает гностицизм живым, и потому всякая попытка гармонизировать это будет отпадением от гностицизма. Пронизывающее чувство беды налицо. Наше существование, мироздание в целом, создало *подавляющие* условия. Когда этого нет, то нет и злого Демиурга – он может быть глупым и слепым, но, по крайней мере, не злым; если он не зол, тогда он слеп, – если вы не принимаете этого, тогда я бы не сказал, что у вас подлинный гностицизм. Я бы считал это почти что критерием, по которому можно проводить разделительную линию» (стр. 117-118 рус. изд.)⁸.

Исследовательница Гнозиса и поздней античности Карен Кинг в качестве наглядной иллюстрации сложности позитивного определения гностицизма, которой она посвятила в 2005 году целую книгу под названием «Что такое гностицизм?» (“What is Gnosticism?”) цитировала в качестве эпиграфа к первой главе этого труда «Словарь Уэбстера», который, заметим, является очень авторитетным изданием в научной среде, но в данном случае также дал определение, которое можно и в хронологическом плане, и в плане фактическом считать весьма расплывчатым, учитывая, что материальный мир в той или иной форме оценивают как зло практически все религиозные учения, в которых речь идет не о некоем диалектическом «духовном совершенствовании», но именно о спасении души человека, иначе возникает вопрос: от чего и зачем спасаться? Кроме того, там отчетливо наблюдается описанная нами выше дефиниция «методом замкнутого круга».

В общем, судите сами, ибо вот как выглядит это определение Словаря: «Гностицизм – мысль и практика преимущественно различных культов поздних дохристианских и ранних христианских веков, отличавшихся представлением о том, что материя – это зло, а освобождение приходит через гнозис. В свою очередь, гнозис определяется как эзотерическое знание духовной истины, которого придерживались античные гностики, и которое существенно для спасения».

В этой сложной ситуации хитрее (в положительном смысле слова) всех поступил петербургский ученый и переводчик коптских гностических текстов Дмитрий Алексеев: в своей статье «Определение гностицизма» он не просто дал свое собственное определение, но и, в целях придания ему большего веса, сопоставил его с наиболее, пожалуй, громоздким (и непонятным не академику) из всех существующих сейчас определений, данным видным русским советским антиковедом Алексеем Федоровичем Лосевым. Вот определение Лосева:

«Именно, гностицизм есть 1) оккультно-2)пневматический и 3) космологически-человечески ограниченный 4) персонализм, причем натуралистический, весьма напряженно ставящий 5) сотериологические цели с помощью 6) мифологически сконструированной системы понятийных категорий. Основным здесь, как мы видим, является тот ограниченный натуралистический персонализм, который доходит не только

до космически-материальных категорий, но даже и до человечески-бытовой и трагической драматургии».

А вот определение Алексеева:

«Гностицизм – комплекс идей, основывающийся на различении и даже противопоставлении в начальных главах книги Бытия Бога (Элохима, Быт., 1:1-2:3), и бога Яхве (Быт., 2:4 слл). Этот комплекс идей нашел своё многообразное выражение и развитие как в канонической и апокрифической христианской, так и в не-христианской литературе, а также в религиозных представлениях ряда групп в поздней античности, Средневековье и Новом времени вплоть до сего дня».

К этому определению автор добавил великолепный постскрипtum:

«Это всё. Исходя из этого определения, ‘гнозис’, т.е. ‘знание’, – это знание о нетождественности Бога и ‘бога Яхве’, а ‘невежество’ (αγνοια) – это их отождествление. Поэтому наши православные братья даже не вправе обижаться – невежество является самой сущностью их вероучения».

На мой взгляд, определение Алексеева является лучшим из существующих. В том числе и потому, что проводит мостик между христианским и нехристианским (не путать с «дохристианским») гностицизмом. До сих пор, хотя бы на примере труда Тобиаса Чёртона, мы видели, как попытка проложить такой мостик приводила лишь к размыванию пределов о-пределения. Дефиниция Алексеева расставляет все точки над i, позволяя избежать этого. И хотя это определение является, пожалуй, лучшим из существующих, его неизбежным (то есть таким, которого очень трудно было избежать, не утяжелив его при этом до стадии нечитабельности или не спровоцировав долгой дискуссии) недостатком является отсутствие уточнений, о каких именно течениях вне рамок христианской традиции идет речь. Одно из них, частично выходящее за рамки традиции в силу своего синкретизма – это манихейство, это и отчасти нехристианский (даже при том, что опирается на «подлинное учение Иоанна Крестителя») мандеизм, но какие еще? Например, последователи ряда течений в современном эзотерическом масонстве (не забудем, что отцами-основателями современных гностических церквей в конце 19 века были масоны – такие как Жерар Анкосс [Папюс] и др.) и розенкрейцерстве, которое также частично выходит за рамки христианской парадигмы, называют себя гностиками, но как именно их само-отождествление гармонирует с приведенным выше определением?

Это не праздный вопрос с точки зрения значимости ответа на него. Например, один мой знакомый эзотерик однажды прямо сказал мне в частной беседе, что был бы рад вступить именно в нео-гностическую церковь «французского масонского замеса», потому что там якобы «нет этого дурацкого дуализма». И т.п.

Рижский исследователь и популяризатор христианского гнозиса Дмитрий Щербина критикует это определение, исходя, в частности, из следующих позиций: «Разве Апокриф Иоанна не говорит о событиях, описанных первой главой Бытия? Разве в первой главе не описывается создание архонтом своих эонов и душевного Адама? Разве Элохим это не образ архонтов во главе с первоархонтом? Если Вы ответите на эти вопросы отрицательно, то мне остается только отождествить Духа Незримого с Элохим, что лично мне представляется верхом абсурда, уж простите» (цит. по [блогу Дм. Алексева](#)).

Критик, однако, на мой взгляд, упустил из виду то, что первоархонт гностических космогоний создавал своих ущербных «ангелов» именно как слабое подобие божеств куда

менее ущербных, но, подобно тому, как он говорил о себе, что он бог, и нет иного бога, кроме него, так и своим ангелам он хотя и давал имена «настоящих» богов, но по сути лишь пародируя эти имена.

На созданном им сайте <http://xpectoc.com> Дмитрий Щербина вместе с Яниной Гриневиц не дают свое собственное определение напрямую, но в опубликованной на нем же статье «Что такое гностический миф?», опираясь, что важно, на ряд текстов из Наг-Хаммади, пространно описывают содержание этого мифа. (Кстати, подобно некоторым другим исследователям, они называют гностиков христианами, то есть, дословно, «благими» [греч.] – ведь и «гностический» Иисус не был обещанным иудеями мессией, то есть Христом, но был Хрестом, благим помазанником – ибо они стяжали Благою Весть, не искаженную впоследствии ортодоксальным духовенством и теологами. Отсюда и название для сайта.)

Что касается не российских, а зарубежных определений гностицизма в целом, то лично мне ближе всего то, которое дал Джеймс Робинсон, редактор знаменитой “The Nag Hammadi Library in English” (NHLE):

«Христианский гностицизм проявился как утверждение вновь, хотя и в несколько различных терминах, изначальной позиции трансценденции, центральной в отношении самих начал христианства. Эти гностические христиане несомненно считали себя истинным продолжением, в силу меняющихся обстоятельств, той изначальной позиции, которая и сделала христиан христианами». Робинсон подчеркивал во введении к NHLE, что Библиотеку Наг-Хаммади создали христиане, поэтому он всегда скептически относился к попыткам «выделить гностицизм в отдельное от христианства делопроизводство», в силу чего даже говорит не о гностицизме вообще, но о христианском гностицизме. Недостаток этого определения, на мой взгляд, в том, что фраза «в силу меняющихся обстоятельств» указывает на некую не самодостаточность доктрин гностиков, а также, кажется, на их более позднее, нежели даже конец 1-го и начало 2-го вв. н.э., происхождение.

В заключение и отчасти возвращаясь к собственному определению, данному в начале моего доклада, упомяну одно очень важное обстоятельство: именно в силу сложности выработки «единственно верного» определения (что непросто уже по причине гетеродоксального характера гностицизма), которое устроило бы всех или почти всех, в научной среде также существуют и некие подвижки в пользу не истолкования, но полного упразднения этого прижившегося с легкой руки Адольфа фон Гарнака термина. Так, Майкл Алан Уильямс (Michael Allan Williams) в 1996 году написал обширную монографию “Rethinking ‘Gnosticism’” («Переосмысляя ‘гностицизм’»), причем, обратим внимание, ‘Gnosticism’ был взят в названии книги в кавычки), в которой вообще предлагает упразднить сам термин и не использовать его, поскольку нет смысла говорить о раннем христианстве и о тех учениях, которые возникли именно как развитие его идей, прибегая к дополнительной терминологии, или «умножая сущности». Одной из предложенных им альтернатив «гностицизму» был «библейский демиургизм».

Именно эту идею подверг осторожной критике петербургский профессор и исследователь платонизма и гностицизма Роман Викторович Светлов, который, выступая на конференции «Россия и Гнозис» в Библиотеке иностранной литературы в Москве в октябре 2012 г., сказал дословно следующее:

«Здесь я могу сказать, что, может быть, мы с вами создаем еще один миф – миф об отсутствии того, что было, но было не так догматически выстроено, что, мол, вот это

гностики, а вот это все остальные. Миф, напоминающий тот самый миф, который в 18-м веке создал небезызвестный Вольф, родоначальник “гомеровского вопроса”, когда он доказал, что Гомера как единого автора двух знаменитых циклов преданий нет, Эллиады и Одиссеи, после чего все решили, что и Трои не существовало. Но нашелся один сумасшедший, неакадемический ученый, который и Трои раскопал, и Мекены раскопал... На мой взгляд, тезисы подобной замены Гнозиса на идеи демиургизма или “библейского демиургизма” ничего особенного нам не дает: это замена терминов, не более чем. Едва ли кто-нибудь из представителей гнозисных явлений древних назвал бы себя “библейским демиургистом”»⁹.

Я же отношусь к идее Уильямса следующим образом. Теоретически это неплохая идея, однако вряд ли она будет осуществима, как минимум, в обозримом будущем по трем причинам: 1) в силу как научной инерции, так и научной преемственности – в мире есть сотни, если не тысячи исследователей, ранее использовавших и продолжающих использовать этот термин; 2) оппоненты из числа ортодоксальных христиан в любом случае будут продолжать использовать этот термин, потому что выводы конфессионально независимых ученых их вообще никогда не интересовали, а в результате кто-то будет понимать, «о чем речь», а кто-то нет; 3) параллельно с попытками – более чем вялыми на сегодняшний день – изобрести новый термин вместо «гностицизма», будут существовать и существуют и куда более энергичные попытки оправдать этот термин, наполнив его позитивным смыслом через более удачные, нежели все мы это делали прежде, дефиниции. Есть, наконец, и причина не четвертая, но, скорее, «без номера», ибо она очень личная: когда считаешь себя гностиком (или последователем гностицизма), отказываясь от привычной формы самоидентификации, отчасти отказываешься и от самого себя.

- - - -

Расшифровка – май 2015 г.

Хочу выразить глубокую признательность Олегу Телемскому и Максиму Вялкову за пару ценных уточнений историографического и библиографического характера.

Примечания.

1. Уже в процессе расшифровки своего доклада я случайно сделал небольшое научное открытие: прежняя дата рождения термина «гностицизм» (1669 г.), доселе общепринятая в мировой историографии, оказалась ошибочной. Впервые Мор употребил этот термин в работе, название которой можно приблизительно перевести с архаичного английского как «Вторая критика Алазономастикса, появившаяся по милости юного упрямства Евгения Филалета» (“The second lash of Alazonomastix, laid on in mercie upon that stubborn youth Eugenijs Philalethes”) еще в 1651 году (убедиться в этом можно здесь, прочитав стр. 11-12 этой работы: <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A51316.0001.001?rgn=main;view=fulltext>)

В русском переводе фрагмент будет звучать примерно так:

«...Добавим ко всему сказанному то, что ныне является уж слишком распространенной болезнью [индийских] адьев, ведомых беспечными пьянящими фантазиями, основанными на симуляции высших форм религии и сверхъестественного света и на отказе от трезвого рассудка и очищенного разума (и перерастающей в натуральный фанатизм), а также атеизма и чувственности, доходящей почти до вершин вызывающего отвращения гностицизма (*Gnosticisme*): из-за моего возмущения дурачеством и жульничеством, из-за

моего крайнего отвращения к скотству, атеизму и чувственности, и, наконец, из-за того почтительного уважения и нежного чувства, которое я испытываю к прямоте и простоте жизни Христа и подлинной божественной Мудрости, я полагал правильным писать именно так, как я писал, и приводить в замешательство того *гения*, который уродует новоявленный лик христианства и попрекает ту свободу, которая присуща всем, кто ищет Бога искренне и истинно».

Мысль Мора, высказанная им в 1851 году, была практически дословно повторена им в другой его книге – “Enthusiasmus Triumphatus...”, изданной пятью годами позже.

После этого Мор мимоходом вновь употребил этот термин в 1664 году, в работе «Скромное проникновение в таинство беззакония» (“A Modest Enquiry into the Mystery of Iniquity”); впрочем, и там ему не было дано четкого содержательного объяснения. Переведу интересующий нас фрагмент на русский: «И в-четвертых: у нас нет надлежащего синтаксиса для употребления слова ὁ κατέχων (“утаивающий” – *А.М.*) в том случае, когда подразумевается не человек, а вещь. Нельзя не упомянуть, ибо это кажется невероятным, что, если бы апостолы порвали со своим покладистым отношением к евреям, это послужило бы причиной столь неисчислимых бедствий (они этого не делали, но это было предсказано Духом Пророчества, или Св. Павлом, возвестившим им об этом), что их можно было бы описать как соучастников [этих бедствий], ... и это было бы мощным креном в сторону такого бурного течения, как *гностицизм* и притеснение Церкви». Электронную версию текста можно прочитать здесь:

<http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A51307.0001.001?rgn=main;view=fulltext>

Греческое слово «ὁ κατέχων» в цитате восстановлено мною по переизданию в: “The Theological Works of Henry More” (L., 1708, p. 698).

В книге “Divine Dialogues...” (1668) Мор уже ставит на одну доску гностицизм и манихейство, огульно не делая между ними никаких различий и объясняя (p. 217) оба явления более чем витиевато: «И даже если бы существовали какие-либо разумные животные, в каком бы то ни было облики, из поля зрения которых высший принцип когда-либо был исключен фатально и естественным образом, и они бы уподобились прокаженному, или, пожалуй, обычной скотине, лишенной как греха, так и осознания, наслаждаясь лишь установлениями животной жизни, то и в этом случае, там, где и когда мы говорим о том, как много в Божественной Мудрости и в Божественности именно того, что выдумало их, нам не следует быть столь язвительно тщеславными, рассматривая Божественное Творение, другими словами, нам не следует впадать в *манихейство* или в *гностицизм*, что было бы признаком попадания в лапы дьявола, или – не стоит обмазывать все вещи адской серой столь же сильно, сколь сильно горела бы на дне сковороды, в молоке, стопа епископа».

2. См. русский перевод А.К. Иванча и Дм. Алексева работы Поля-Луи Кушу «Первое издание св. Павла» [Paul-Louis Couchoud. La première édition de St. Paul, в: Revue de l'histoire des religions, mai - juin, 1926] на сайте <http://xpectoc.com> .

3. Английская версия книги, в отличие от немецкой, теперь доступна и в электронном виде: <http://www.gutenberg.org/files/19612/19612-h/19612-h.htm>.
Русская версия: <http://libbabr.com/?book=296> .

4. В 1963 году датский исследователь Сёрен Гиверсен (Søren Giversen) впервые в истории гностических штудий опубликовал, в частности, сопоставление разночтений всех четырех его коптских версий, известных нам на сегодняшний день (см.: Apocryphon Johannis: The Coptic text of the Apocryphon Johannis in the Nag Hammadi Codex II. – Copenhagen, 1963).

5. *Прим. 2015 г.* См. «Предложение по терминологическому и концептуальному соглашению, касающемуся темы Коллоквиума» в моем переводе, выполненном в 2014 г. по заказу Группы религиоведения ВГБИЛ им. М. Рудомино:
http://vk.com/doc2592885_411876306?hash=9e187ce4d2f418b27e&dl=bb4db8346624359064

6. В русском переводе – см.: Йонас, Г. Гностицизм. – СПб.: Лань, 1998, стр. 47. Немецкий оригинал книги – библиографическая редкость, отсутствующая даже почти во всех крупных библиотеках мира, зато в них, как и в Интернете, доступен (по отзывам – очень качественный, в отличие от анонимного русского) английский перевод книги – “The Gnostic Religion” (Boston, 1958).

7. См.: <http://castalia.ru/perewody/gnostitsizm-perevody/626-stefan-hyoller-gnostitsizm-glava-1-svet-iz-za-zavesyi.html> Книжный вариант: Хеллер, С. Гностицизм. – М.: Клуб «Касталия», 2010.

8. См. тж. 2-е, дополненное изд-е книги: Gnostic Philosophy: From Ancient Persia to Modern Times. Rochester (Vt., [U.S.A.]): Inner Traditions, cop. 2005.

9. Цит. по аудиозаписи 2011 г. Сбк. материалов конференции – в печати.